

Юрий Львович Сагалович

главный научный сотрудник, доктор технических наук, профессор

Летом 1956-го года я пришел «наниматься» на работу в Лабораторию по разработке научных проблем проводной связи АН СССР. В малюсенькой комнатенке на втором этаже Бауманского телефонного узла, в здании которого Лаборатория квартировала, как бедная родственница, располагался И.А.Овсеевич. Он был ученым секретарем Лаборатории и мудрым ее управителем (каковым долгие годы потом и оставался). Заместителя директора по науке штат не предусматривал, а директор, чл.-корр. АН СССР В.И.Коваленков перманентно болел.

Еще меньший «предбанничек» занимали Н.С.Сунгуров, зам. директора по хозяйству, и Т.З. Кондратьева, секретарь-машинистка – доброжелательный, преданный интересам Лаборатории улыбочивый ее член и строгий судья человеческих качеств.

С.Н. Сунгуров был из военных отставников, что накладывало специфический отпечаток на его взаимоотношения с сотрудниками. Нижеследующий эпизод иллюстрирует не только эти взаимоотношения, но порядки и нравы тех лет. Один весьма серьезный математик (не буду его называть) опоздал на несколько минут к началу рабочего дня. В повышенных тонах Сунгуров стал читать ему нотацию.

– Не кричите на меня! Я ученый с мировым именем!

– А мне... на твое мировое имя! Ты на работу приходи вовремя!

Добавьте к этому некую особенность голоса Сунгурова, которую деликатно можно назвать носовым «н».

Ко мне Сунгуров относился хорошо и, я бы сказал, даже с теплотой. Тому было три причины. Во-первых, я был недавним офицером-фронтовиком (а он выходцем из строевого отдела Московского военного округа); во-вторых, я не был ученым с мировым именем, а в-третьих, вовремя приходил на работу. И не просто приходил, а прибежал к половине девятого с тем, чтобы расписаться в специальном журнале и немедленно уехать в библиотеку им. Ленина, успеть туда к девяти и занять в зале № 2 удобное место: в глубине зала, подальше от входа, поближе к окну. В библиотеке я фактически жил (ел и даже спал несколько минут, уперев лоб в сложенные на столе руки), так как теснота и полное отсутствие тишины, как дома, так и в лаборатории, с научной работой были несовместимы. Уходил я из библиотеки со звонком, который возвещал о конце ее рабочего дня. Для того, чтобы расписаться в журнале, я делал крюк: сначала от станции метро "Новокузнецкая" через центр на "Бауманскую", а оттуда назад, через центр, в библиотеку.

Итак, я пришел к Овсеевичу. Представьте себе его сорокалетнего. Перебирая мои документы, он говорит: «Ну, вот, маму Вашу реабилитировали. И с отцом, надо думать, все прояснится...» (Через два месяца так оно и вышло, отец был реабилитирован посмертно). А после паузы: «Кто из математиков Вас знает?» Я кончал Ленинградский университет и потому с трудом начинал вспоминать кого-нибудь в Москве.

– Незадолго до войны я занимался в школьном математическом кружке при МГУ. Руководил кружком Саша Кронрод.

Я никак не реагирую на то, что, беседуя со мной, Иосиф Абрамович молча набирает номер телефона: мало ли с кем надо было ему поговорить перед тем, как я пришел и прервал его обычные дела. Слышатся ответные гудки, на другом конце провода поднимают трубку...

И тут происходит нечто такое, от чего я обомлел и не знал, на каком свете нахожусь. С тех пор, как я занимался в том самом кружке, прошло 16-17 лет. Война проутюжила почти всю европейскую часть страны туда и обратно. Перевернуто,

вздыблено, перепахано... Какие еще слова не употреблялись, чтобы описать события тех полутора десятков лет. Никакие романы и повести, стихи и мемуары не могут рассказать о том времени крови, смертей, тягот, голода, побед и героизма. Бои, ранения, госпиталя... Сознание привыкло к тому, что в следующую же минуту после любой смены обстановки только что ушедшее безжалостно забывается. А уж между 1940-м и 1956-м годами – пропасть! Война легла непреодолимой гранью между временами.

... Иосиф Абрамович говорит: «Саша?» – и спрашивает Кронрода обо мне. Тогда мне было 14-16, а сейчас, в 1956-м, почти 32... По-видимому, Саша Кронрод меня не помнил. Да это и неважно. Важно, что простой набор номера телефона до боли просто и неожиданно соединил края пропасти. Между прочим, когда через много лет, мы с Овсевичем вспоминали этот случай. Он рассказал мне, как во время войны Саша Кронрод прислал ему на фронт из госпиталя письмо, в котором оценивал кусок мяса, вырванного осколком снаряда, из своей задницы «рублей в пятьсот». Теперь Саши уже давно нет на свете, а его сын Миша, долго и очень хорошо работавший в институте, уехал за границу.

С 20-го июля 1956 года я начал работать в Лаборатории, которая в 1959 была переименована в Лабораторию систем передачи информации (помню, академический синклит не счел возможным указать, что лаборатория занимается ПРОБЛЕМАМИ). В конце 1961 года слово «Лаборатория» заменилось словом «Институт», и только тогда «системы» стали «проблемами».

За эти пять лет в лаборатории случалось немало интересного. Об одной комнате – комнате дирекции – говорилось выше. Но были еще две комнаты. В одной из них располагались три группы. Столы причудливым образом были расставлены так, чтобы всем хватило по клочку стола и оставалось место для прохода. Названия групп были вовсе не по их специализации, а по именам руководителей, но с окончаниями, которые когда-то были у названий славянских племен: Харкевичи¹, Турбовичи, Рогинские. Я состоял в последней группе.

Главное, чем была отмечена деятельность группы Рогинских, это работа над машиной синтеза контактных схем. То исследование, которое я провел в связи с этим, было первым камнем в фундамент моей кандидатской диссертации. На всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. машина получила Гран при (вместе с Машиной анализа релейно-контактных схем П.П.Пархоменко в Институте автоматики и телемеханики). Через много лет машина экспонировалась на ВДНХ (а я получил диплом участника ВДНХ). С самим Рогинским у меня сразу сложились очень хорошие и научные, и человеческие отношения, которые не ослабевали до самой его смерти в 1983 году.

Конечно, воспоминания у каждого свои. Однако я уверен, что все, кто был тогда в Лаборатории, помнят наши замечательные предпраздничные вечеринки с накрытыми бумагой столами; принесенными из дому пирогами и винегретами; со скромной выпивкой и столь же скромной профкомовской дотацией, а также с приглашенными супругами и пародийными песнями на шекспировские темы.

Многие скажут: «Эка невидаль – вечеринки! Сколько их происходит сейчас». А вот что-то необъяснимое отличает то время. Скорее всего, новизна отношений, которая одинаково отражалась как на расцвете новой науки, так и на новом характере веселья, более искреннем и менее скованном. А главное отличие тех вечеринок от теперешних в том, что именно на последних с умилением вспоминают о первых, а не наоборот.

¹ Редкий случай: в Лаборатории, а затем и в Институте было два Харкевича, А.А. и ныне здравствующий Анатолий Демьянович, и два Гелия: Поваров и Башарин.

Иногда выпивке предшествовала, а, может быть, следовала за ней, какая-нибудь викторина с немудрящими призами. Один такой - белый фаянсовый заяц, обнимающий морковку, - стоит у меня на книжном шкафу до сих пор. Викторины вела, стоя на эстраде небольшого зала телефонного узла, Е.И. Пийль. К сожалению череда вечеринок прервалась тем, что лаборант Костя Будтолаев выбросил с третьего этажа Бауманского телефонного узла на асфальт Бакунинской улицы пустую бутылку.

Между прочим, невысокий материальный уровень жизни (при его обязательной положительной производной) не мешает нравственному и творческому подъему. Помнится, в 1972 г. в Тулузе на симпозиуме, который был посвящен логическим системам и который проходил в условиях весьма благоустроенного научного комплекса, один голландец сказал мне, что там, где процветает комфорт, начинается загнивание науки.

Так вот, благодаря пустой бутылке вечеринки прекратились, и мы можем вернуться к факту создания Института передачи информации. Уже само по себе это событие было из ряда вон выходящим. В самом деле, то было время, когда происходило организационное преобразование Академии, которое выводило из ее состава институты технического профиля, раздавая их по соответствующим министерствам и оставляя их в научно-методическом подчинении Академии. Воспринималось все это, как навязанное извне зло. И на этом фоне – вдруг создание нового института. Этому способствовали следующие обстоятельства: осознание значимости теории информации, научные и личные качества первого директора А.А. Харкевича, которого в 1960 году избрали членом-корреспондентом (а в 1964-м – академиком), и огромная подготовительная работа, проведенная И.А.Овсевиным и по своей тонкости сравнимая только с плетением кружев.

В основном, мое поколение было с запоздалым развитием. Те, кто после войны остался в живых, начал учебу в университете в том возрасте, когда в обычное время юноши ее заканчивают.

С тем большей жадностью я поглощал все, чем был богат уникальный талантливый круг ученых тогдашней Лаборатории и теперешнего Института. Надо заметить, что то время было «эпохой возрождения» в науке. «Реакционная лженаука» кибернетика и связанные с нею, мало сказать, непосредственно теория информации и алгебра логики получили права гражданства. Способ мышления и специфическая терминология этих наук меня пленили. Работа над моими собственными задачами, которые меня поглощали всецело и о которых я постараюсь говорить как можно меньше, проходила как раз в атмосфере этого возрождения.

Разумеется, за те 59 лет, что я работаю в ИППИ, случилось много всего интересного, в том числе курьезных и просто смешных случаев. Писать о них – довольно выигрышная позиция. Однако так или иначе почти все смешное – следствие индивидуальных человеческих черт, может быть, слабостей. Потешаясь над ними, можно кого-то и обидеть.

Мне бы хотелось собрать все известные именно мне эпизоды того времени, которые ярко характеризуют его и тем самым хотя бы приблизительно воссоздают атмосферу, в которой формировался, создавался и развивался наш Институт. Я утверждаю, что всему изложенному ниже я был свидетелем.

Это и внешние обстоятельства, связанные с пролившейся в середине 50-х - начале 60-х годов на нашу страну живительной оттепелью, открывшей благоприятнейшие возможности для развития науки. Это и система внутренних взаимоотношений, которые проявлялись в скрупулезном подборе сотрудников в условиях крайнего дефицита вакансий; и требования к неукоснительному соблюдению научной этики, к порядочности, без чего плодотворное функционирование науки невозможно.

Вот случаи, непосредственным свидетелем которых я был. Ясно, что, не будучи вхожим в высокие сферы и кабинеты, я не могу свидетельствовать о чем либо очень выдающемся. Но ведь и по неброским фактам можно судить о многом.

Май 1962-го. А.А. Харкевич делает доклад по философским вопросам науки об информации. Один из совсем недавно поступивших на работу программистом отставной военный и ортодокс в самом честном смысле этого слова допытывается у докладчика: материальна ли информация или нет? Более сакраментального вопроса по философии в то время не существовало. Он был равносителен дилемме: «Ты за советскую власть или против». Я не могу точно воспроизвести ответ, но он был мастерским. Харкевич дал понять, что в такие игры он не играет и в бесполезную дискуссию втянуть себя не позволит, не дав при этом никакого повода для дальнейших придиорок. Единственное, что его едва заметно озадачило - кто этот незнакомый человек. Через полчаса после окончания семинара Александр Александрович спросил у меня: «Кто такой этот ...?» – метким словом отметив некоторую асимметрию лица, задававшего вопрос. Характеристика была настолько комичной, что я не мог сдержаться смеха. Пытаясь остановиться, я смеялся еще больше; и тогда стал смеяться А.А.Харкевич, и стояли друг перед другом директор института и младший научный сотрудник, не в состоянии остановить хохот. Чувство юмора было отнюдь не чуждо Харкевичу.

А иногда он с невозмутимым видом мог сказать, например, такое: «Юрий Львович, я подпишу Вам любое письмо, только не забудьте напечатать его на наждачной бумаге». Это было сказано в ответ на мою просьбу помочь мне в военкомате освободиться от призыва на двухмесячные летние сборы, которые после фронта и службы после войны меня отнюдь не прельщали. Я отбыл двухмесячную повинность в Солнечногорске.

Вскоре после создания Институт подвергся проверке Народным контролем. В комиссию входили известные и авторитетные ученые. К слову сказать, один из вопросов, которые они задавали, гласил: «Чем не занимается Институт из того, чем занимаются в США?» (Имелся в виду, конечно, круг естественных интересов ИППИ). А мы этот признак держали под пристальным контролем, следя за литературой и активно расширяя тематику. Можно было бы привести много весьма важных и показательных примеров, но не это главное в моих заметках. Хотя нельзя отказать себе в удовольствии упомянуть, что в короткое время мы встали вровень (если не сказать большего) с американцами в такой области как теория информации с ее ядром – теорией кодирования.

Дело в том, что для придания проверке демократических черт управлению Института один из дней был объявлен днем прямых жалоб и предложений сотрудников членам комиссии, в обход администрации ИППИ. Это было, по крайней мере, интересно, а уж обратиться какую-нибудь жалобу в анекдот – очень заманчиво. Тут Р.З. Хасьминский и говорит мне:

– Давайте скажем, что заведующий нашей лабораторией М.С.Пинскер в рабочее время делает гипсовых кошечек и тайком продает их на Калининском рынке.

Настал "момент истины". Харкевич ходом предъявления жалоб подчеркнито не интересовался (а на самом деле их вовсе не было). Но, встретив меня в коридоре, в шутку спросил, собираюсь ли я пожаловаться и на что. Я набрался наглости и – да простит меня Рафаил Залманович за то, что не успел упомянуть его авторство – именно в его формулировке жалобу на М.С.Пинскера и выпалил.

Секундное удивление на лице директора все же проскользнуло, даже при его пронизательности он не мог предположить такого идиотизма. Но затем сомкнутые губы стали быстрыми короткими движениями слегка приподниматься и опадать, а вся фигура - содрогаться, что было признаком неудержимого смеха. Но главное - глаза. Они не оставляли никакого сомнения, что выходка оценена по достоинству.

Проверка окончилась благополучно. Комиссия состояла из весьма известных специалистов Академии наук, благожелательно относившихся к теории информации и

смежным наукам. Комиссия была заинтересована в процветании науки и знала, каков уровень ученых Института.

Проверки случались разные. Забегая вперед, расскажу о таком эпизоде. Когда ИППИ из здания на ул. Авиамоторной переехал на ул. Ермоловой (теперь снова Большой Каретный переулок), т.е. из Калининского района в Свердловский летом 1978 г., к нам снова пришла комиссия, организованная РК КПСС. Она была собрана из специалистов районных научных учреждений, в основном «почтовых ящиков»², и закончилась так же благополучно, но вот, что выяснилось потом. Одна из организаций, участвовавших в той районной проверке, через несколько лет предложила мне сотрудничество, которое вышло весьма плодотворным.

Его инициатор через десяток лет рассказал мне, что на инструктаже в отделе науки РК комиссия получила напутствие: «Дать им как следует!» Затем он сказал: – Когда мы познакомились с Институтом вообще и с вашей лабораторией в частности, мы поняли, что работают здесь стоящие люди и занимаются они стоящими делами, а потому «давать вам» мы не стали.

Так захлебнулась агрессия, вопреки ее вдохновителям.

Вернемся к лету 1962 г. Однажды А.А. Харкевич пригласил меня на общее собрание АН СССР, посвященное соединению философии с естествознанием. Он сказал, что доклад будет делать секретарь ЦК Л.Ф. Ильичев и что на меня тоже есть пригласительный билет. По тем временам это было лестно. Перед входом в Дом ученых стоял «членовоз»³ Ильичева, охрана (для современных бизнесменов средней руки - жидковата), проверяли билеты. Академики сидели в партере, наш брат - на балконе. Мне все было интересно: первый раз на таком собрании. После доклада – прения.

Запомнились следующие эпизоды. Выступает академик А.И. Берг. Адмирал, в Первую мировую войну – штурман, а в Гражданскую – командир подводной лодки; сидел в сталинском застенке, а потом работал с теми, кто на него писал доносы. Зам. министра обороны, открытый и умный человек, резкий в суждениях.

– Я тоже ЗА строительство коммунизма. Только не так! – и он описывает в воздухе зигзагообразную линию с большими амплитудами, - А так! – и он чертит прямую с большим положительным углом.

Следующая его фраза по поводу системы образования: «Мы десять лет калечим наших детей в средней школе, а потом еще пять лет докалечиваем в вузах!»

Большая часть выступлений была стандартной и не запомнилась. Отличился зав. кафедрой логики МГУ профессор Алексеев со своим публичным доносом на член.-корра АН А.А.Маркова, который к тому времени переехал из Ленинграда и стал заведовать кафедрой математической логики на мехмате МГУ. Донос звучал так: «Когда я обратился к А.А.Маркову с предложением о сотрудничестве по вопросам строительства социализма, он ответил, что математическая логика занимается только серьезными вопросами». А.А.Марков с достоинством пренебрег доносом и не отвечал, зато в заключительном слове Л.Ф.Ильичев этот инцидент комментировал великодушно: «Мы не будем смотреть, как и у кого повязан галстук». Оттепель еще продолжалась.

В перерыве в дорожном буфете Дома ученых я случайно оказался за одним столиком с академиком П.С. Новиковым. Он не знал меня. Может быть, где-нибудь на семинаре он случайно запомнил мое лицо. Доверительно обратившись ко мне словно к знакомому и даже как к единомышленнику, подчеркнуто втягивая в себя воздух, приподнимая плечи и разводя руками, Новиков сказал:

– Вы можете мне ответить, что здесь происходит? На наших семинарах я понимаю все, но здесь я ничего не понимаю!

² - В те времена так иносказательно назывались засекреченные институты.

³ - Автомобиль для высокопоставленных лиц (первоначально для **членов** Политбюро ЦК КПСС). - *Универсальный дополнительный практический толковый словарь. И. Мостицкий. 2005–2012*

Я хочу вернуться к А.И.Бергу. В ноябре 1959 года состоялось Всесоюзное совещание по вычислительной математике и вычислительной технике. Секция кибернетики и математической логики заседала в Краснознаменном зале Дома Советской Армии. Вечернее заседание 18 ноября целиком посвящалось биологическим проблемам кибернетики. Интерес к этой теме был в то время особенно острым. Зал заполнился до отказа. Председательствовал И.А.Полетаев. Он сидел за председательским столом лицом к залу, а сбоку за тем же столом сидел А.И. Берг. Когда А.А. Ляпунов и А.Г. Маленков прочитали доклад «О систематизации основных понятий генетики», одна молодая участница заседания с места задала вопрос:

– Согласовано ли содержание доклада с академиком Лысенко?

Как видно, сама постановка такого вопроса свидетельствовала о еще очень сильных позициях Лысенко. Его по-прежнему поддерживала власть. Однако сопротивление нарастало, хотя до его падения оставалось целых пять лет.

Итак, задан вопрос. Сказать «наступила тишина» – значит ничего не сказать. Лучше – разразилась тишина. Аксель Иванович резко повернул к себе микрофон:

– Может быть, электронику и можно отменить, но математику - никогда. И всякого, кто окажется на нашем пути, мы сметем!⁴

Для чего я пишу об этих случаях, которые могут показаться не имеющими отношения к нашему Институту и его истории. Имеют! Это тот воздух, то течение, в которых Лаборатория систем передачи информации АН СССР не просто неуклонно, но и неизбежно двигалась к своему преобразованию в Институт. И если я люблю А.И.Бергом, то это потому, что его решительности, бескомпромиссности, глубочайшему пониманию характера научного прогресса и доброжелательству, как я уверен, ИППИ обязан многим. Более того, если при обращении к истории Института в голову приходят именно эти воспоминания, значит, именно они с этой историей непосредственно связаны. И это лучшее подтверждение их уместности в данных заметках. Наконец, никакой институт не существует вне окружающей среды, а уж что из нее перенести в воспоминания - право автора.

Если бы было место, я много бы написал о семинаре В.И.Шестакова, который работал на физфаке МГУ в 50-х годах. Можно ли отказать ему в причастности к Институту, если многие нынешние сотрудники теперешнего ИППИ выступали там с докладами, апробировали полученные результаты, развивали в дальнейшей деятельности почерпнутые на физфаке идеи? Весь смысл нашего рассказа в том, чтобы вспомнить, как мы начинали! А те годы, о которых идет речь, и были годами старта.

Как не вспомнить доклад А.А.Маркова «Что такое кибернетика?» в аудитории 02 МГУ. «В кратком философском словаре, - говорит А.А.Марков, начиная доклад, - значит: “Кибернетика – это реакционная лженаука, получившая распространение в США и других странах империализма”. Нет, это нам не подходит. В БСЭ (тогда пользовались вторым изданием; первый том третьего издания вышел не ранее, чем через десять лет после описываемых событий - прим авт.) слово "кибернетика" должно находиться между "Кибелем" и "Киберонской экспедицией". Но там его нет. Посмотрим дополнительный, 51-й том. Вот... ки-бер-не-ти-ка. Читаем: “Основным понятием кибернетики является информация”. Смотрим статью “Информация”. Читаем: “Информация является основным понятием кибернетики”. Цикл!!! - восклицает докладчик. - Кто же автор обеих статей? Колмогоров! Назовем этот цикл “Циклом

⁴ - Тут ради исторической правды следовало бы констатировать, что “зал взорвался аплодисментами”, но тогда слова "разразилась" и "взорвался" оказались бы в основном тексте почти рядом, а это нехорошо. Выручает примечание.

Колмогорова»», - задорно заключает А.А.Марков. На самом деле статья «Кибернетика» начинается описанием этой науки хоть и на более или менее обиходном языке, понятном, так сказать, рядовому читателю, но все же на языке достаточно точном. И только после этого говорится, что основным понятием кибернетики является информация. Так что «цикла» в чистом виде нет. Но, как видно, даже «псевдоциклом» и даже в таком виде невозможно было не воспользоваться.

О многих внутренних делах Института вообще писать трудно, тем более, сообщать об обидах. Это задевает сотрудников, их взаимоотношения и даже начальников. Это может выглядеть как сведение счетов.⁵

Лето 1961 года. Диалог:

– Юрий Львович, а немецкие дворяне наукой не занимались.

– Ну, и что же?

– А коммунисты занимаются.

– Какая же связь?

– Так коммунисты – те же дворяне.

– И что же, плохо, что занимаются?

– Конечно, ведь все врут! - называются сотрудники института, которые в докладах на семинарах делают ошибки; делать ошибки, это и есть - врать. И далее без паузы. - Юрий Львович, я в Институте одному Вам верю.

«Катастрофа», - думаю про себя, недоумеваю, зачем он мне льстит. Легко понять, какова участь человека, который единственный, кому можно верить.

– Вы не смогли бы побыть на моем докладе?

– Я же ничего не понимаю в Ваших делах.

– Что Вы, там одни уравнения матфизики!

В назначенный час я подошел к дверям кабинета директора, где обычно читались такие доклады, и оказался буквально брошенным в комнату. Дверь за мной закрылась. Перефразируя известное произведение, в комнате трое: я и... еще два человека – докладчик и директор, сидящие рядом по другую сторону стола. Рукописные страницы доклада для меня вверх ногами, и я, конечно, ничего не понимаю.

– А Юрия Львовича-то Вы зачем сюда притащили? – улыбаясь одними глазами, спрашивает директор после нескольких фраз докладчика.

– А-а-а... - замешательство от неожиданного вопроса, а затем скороговоркой, - Вот если я что-нибудь забуду, он мне подскажет, - ловко находится докладчик.

Диспозиция ясна: чтобы директор не присвоил чужой результат, самый заслуживающий доверия человек приглашен в понятие.

– Да,- говорит А.А. Харкевич после того, как докладчик удалился, – к сожалению, он выделяется даже на нашем общем фоне.

Кто узнал вторую сторону приведенного выше диалога, тот не потребует назвать имя. А кто не узнал, тому имя ничего не скажет.

Те несколько лет, что директором ИППИ был академик А.А. Харкевич, задали тон Институту на долгие годы. Он был на голову выше всех сотрудников. Любая минута, проведенная в его обществе, обогащала и запоминалась навсегда. Помню, как зимой, в самом начале 1965 года, едва оправившись после инфаркта, Александр Александрович

⁵ - Все же рискну поведать, с какой горечью Г.И. Цемель, скромный, честный, добросовестный до невероятия и трудолюбивый сотрудник, жаловался мне. Сколько лет подряд его начальник И.Т. Турбович высокомерно не только притеснял и третировал его, но и глумился над ним. И надо было быть Цемелем, чтобы все это вытерпеть и наконец добиться поразительного результата в распознавании звуков речи (речь идет о взрывных согласных). Турбович снизошел и предложил покровительство в диссертационных делах, решив, по-видимому, что так он сгладит прежнюю несправедливость.

приехал в свой кабинет в Рабочем поселке и вызвал к себе М.С.Пинскера и меня. Я рассказывал о своей новой работе по соединению теории автоматов и теории кодирования. Харкевич не только одобрил работу, но и выразил удовлетворение тем, что вот-вот в журнале «Проблемы передачи информации» выйдет первая моя статья на эту тему.

Через месяц Александра Александровича не стало. Это была горькая потеря для всего Института и каждого сотрудника в частности. Несколько месяцев спустя вдова Харкевича Евгения Михайловна передала в ИППИ дневник мужа. И.А.Овсеевич позвал меня к себе и прочитал короткую запись обо мне. Запись относилась как раз к той беседе и весьма лестно оценивала мою работу. Внутренне я всегда опирался на эту оценку. Она в течение многих последующих лет придавала мне твердости и уверенности, которые не раз оказывались отнюдь не лишними. В результате многолетних исследований была построена теория разделяющих систем, актуальность которой время от времени, и даже сейчас, подтверждается новыми интерпретациями.

А.А.Харкевич был известен и пользовался, как принято теперь говорить, большим уважением в широких кругах научной общественности. Он был выдающейся личностью в полном смысле этого слова. Помню, как через два месяца после его похорон, во время празднования Дня Победы 9-го мая 1965 года я повстречал в центре, в самом начале улицы Горького Александра Субботина. Он работал в Институте философии, был близок к нашему кругу, но встречались мы редко, разве лишь на семинаре у В.И. Шестакова. Первый, о ком он вспомнил, был Харкевич. «Последний из могикан», - сказал А.Субботин.

Год обязанности директора института исполнял И.А.Овсеевич. Заместивший его член-корреспондент АН СССР В.И.Сифоров самым благородным образом, с присущей ему деликатностью продолжал традицию А.А.Харкевича, бережно и твердо заботясь о развитии науки об информации. Этой науке он отдал много сил, дал ей название «Информология», что было в духе его фундаментального академического вкуса. Быть может, когда появилось, а теперь уж и привилось, официальное название «Информатика», слово «информология» кажется архаичным и консервативным...⁶ Зато ему свойственна академическая основательность, поборником которой был В.И.Сифоров. Он с сожалением принял новое название, однако подчинился и не возражал.

Непосредственно с наукой об информации был связан такой эпизод. Почти двадцать лет тому назад мне вручили письмо с резолюцией В.И.Сифорова: «Ю.Л.Сагаловичу. Подготовить ответ». Первоначально письмо адресовалось издательству «Наука». Оттуда его не могли не переслать в ИППИ. Вот его содержание:

«Я, Мишауст Канаматович Шумафов, Лутфулла-алайхи, рядовой колхозник, но в меру своего ума и образования интересуюсь наукой.

В вышедших в Вашем издательстве книгах К.Шеннона и Н.Винера говорится, что информация есть не материя и не энергия, а нечто другое.

Так что же такое информация? Я сомневаюсь, что современная наука может узнать, что такое информация.

Ответ по адресу: Краснодарский край, Успенский район, аул Урупский. Мишаусту Канаматовичу Шумафову, Лутфулле- алайхи.»

Ответ был отправлен, возражений не последовало. Вспомните, как в мае 1962-го Харкевичу на семинаре задавался вопрос о материальности информации. Со дня того семинара и до приведенного выше письма прошло двадцать лет, и как изменился подтекст!

⁶ - Если бы я писал нечто, специально посвященное названию нашей науки, я бы в опровержение правомерности названия «информатика» сравнил слова «кардиология» и «космология» с «кардиатикой» и «косматикой».

Чтобы не заканчивать заметки в каком-то патетическом духе, я расскажу об одном эпизоде, который, когда он имел место, не мог экстраполироваться на теперешние нравы. В 1968 году из Штудгарта, с кафедры доктора Лётце, поступил запрос разрешить перевести на немецкий мою статью, помещенную в 1961 г. в сборнике «Проблем передачи информации». В 1970 г. несколько сотрудников ИППИ были тепло приняты в Мюнхене на конгрессе по телетрафику сотрудниками упомянутой кафедры, двое из которых, Кюн и Лёрхер, приехали к нам в институт в 1974 году. Они показали мне в журнале «IEEE on Computers» статью Майкла Харрисона, в точности повторившего через тринадцать лет мой результат, содержащийся в переведенной ими статье. К удивлению немцев, я залихватски сделал вид, что меня это не трогает, хотя на самом деле это было не так. Узнав об этом, Р.Л. Добрушин настоятельно рекомендовал мне написать комментарий и отправить в Америку. Я написал, но медлил с отправкой.

Однажды Добрушин спросил, отправил ли я наконец. Я ответил, что спорить по поводу приоритета мне как-то неловко (теперь я уже давно никакой неловкости в аналогичных случаях не испытываю). «Какая может быть неловкость! – воскликнул Роланд Львович, – Они там сами себя в президенты выдвигают!» Теперь не *они там*, а *мы здесь* с успехом делаем то же самое, самовыдвигаясь куда угодно, из чего угодно!

Комментарий был опубликован, но М. Харисон на него не отреагировал.

Пересечения с иностранными учеными случались нередко, а иногда бывали и смешными.

Лето 1970 года. Ожидается выход в свет второго номера журнала «ППИ», в котором публикуются некоторые доклады, прочитанные в прошлом году на первом международном симпозиуме по теории информации в Дубне. Звонит М.С.Пинскер.

– Юрий Львович, Вы получили второй номер?

– Да.

– Какую такую помощь вы оказывали Хеллману и Коаеру? – оба они ученые США.

– Понятия не имею.

И тотчас читаю в заключительной части статьи «По поводу автоматов в случайной среде» упомянутых авторов следующее: «Мы хотим поблагодарить Ю.Л. Сагаловича за его вклад в идеи этой работы, а также Т. Кайлату за организацию беседы...»

Нельзя сказать, что такое упоминание твоей фамилии в подобном контексте в те времена было совсем безобидным. Даже в голосе М.С. чувствовался металл.

На следующий день иду в редакцию журнала и в английском оригинале статьи вижу перед фамилией Sagalovich инициалы “D.E.”. Переводчик решил, что кроме Ю.Л. никакого другого Сагаловича не бывает. Через несколько лет в Репино на очередном симпозиуме я рассказал про это Кайлату. Он смеялся и приговаривал: «Good story».

Было бы просто немислимо, вспоминая о нашем Институте, не написать (будучи ограниченным в объеме заметки) хотя бы несколько строк о наших связях с ИАТом, как он тогда назывался. Теперь это ИПУ. Впервые я был там, когда ИАТ находился неподалеку от Белорусского вокзала. На лекцию по логическим устройствам, которую читал Антонин Свобода в самом начале 1956 года, меня пригласил Вадим Николаевич. Потом ИАТ был на Каланчевке, где в Лаборатории М.А.Гаврилова рассматривалась и принималась к защите моя кандидатская диссертация. Я помню, с какой доброжелательностью и заинтересованностью отнесся к ней П.П. Пархоменко. На совете ИАТа она и была защищена. Докторская тоже примыкала к иатовской тематике. Там же, на Каланчевке, я участвовал во встрече с К. Шенноном. Потом была целая вереница “Гавриловских” школ по теории автоматов. Одни географические названия чего стоят: Бакуриани, Пасанаури, Батуми, Рига, Таллин... Тогда же зародились такие мои отношения со многими сотрудниками ИАТа, которыми я дорожу до сих пор. И в центре всего был

МАГ – Михаил Александрович Гаврилов. Он и М.Л. Цетлин были оппонентами на моей защите.

По крайней мере, две лаборатории нашего Института вплоть до девяностых годов развивались в теснейшем контакте ИАТом. Но и теперь всем моим результаты по алгебраической диагностике каким-то непонятным образом удается заполучить незаслуженное внимание у иатовских диагностов. Не говоря уж о том, что когда-то и Лаборатория проблем проводной связи отпочковалась от ИАТа! Но это было до меня.

Именно благодаря М.А. Гаврилову я сблизился с румынской школой теории автоматов, которой руководил академик Грегоре Моисил. Добрый и обаятельный человек, которому ничто человеческое не было чуждо. Он был и математиком, и послом Румынии в Турции. Между прочим, впервые именно он применил аппарат полей Галуа к кибернетическим объектам. Не зная румынского языка, я поддался на уговоры редактировать перевод на русский язык (переводчицей была В.М. Остиану) его книги и сделал это. Книга вышла в 1962 году. Следствием этого были две поездки в Румынию, в 1966 и 1984 гг., а также два посещения посольства Румынии в Москве в 1962 и 1975 гг. О последнем стоит рассказать особо.

В 1974 году исполнялось 30 лет со времени освобождения некоторых стран Европы, в том числе и Румынии, от фашизма. Противовес всем остальным правительствам румынское решило награждать юбилейными медалями не верхушку партии и государства, а рядовых граждан. Весной из иностранного отдела АН поступило распоряжение выдвинуть на награждение медалью двух человек. Так как румынская медаль - не бог весть что, выдвинули меня и Мишу Невельсона.

В ноябре в ИППИ с многочисленными и разноцветными почтовыми штампами пришли два одинаковых конверта на наши имена. В каждом – с полным соблюдением дипломатического этикета – содержалось приглашение от имени посла прибыть в посольство на церемонию награждения. Несмотря на то, что приглашения были отправлены за пять дней до назначенного срока, они опоздали на два часа. Ученый секретарь В.И. Нейман сообщил об этом в иностранный отдел. Оттуда: «Какая еще награда!?» А через полчаса: «Позвонить в посольство и извиниться». Позвонили и извинились.

В январе 75-го – такие же два конверта, с такими же штампами, с такими же приглашениями, отправленные за неделю до назначенного срока, опоздали ... на два часа. Позвонили и извинились. Те же самые конверты прибыли в мае 1975 г., но отправленные за две недели до срока, они пришли за пять (!) дней до церемонии. Медали были вручены, рислинг выпит!

Нельзя не упомянуть, что, воспитанные в определенном духе, мы не решились идти в посольство через парадный вход – где, как казалось, через пару минут нас встречали как почетных гостей несколько сотрудников – а ткнулись через боковую дверь. Но там была... посудомойка.

Когда в 1984 г. я был в Бухаресте, и молодой человек, приставленный ко мне, узнал, что у меня есть юбилейная румынская медаль, он (обращаясь к своему начальнику в полном соответствии с нашими шаблонами) воскликнул: «Юрий Львович – большой друг Румынии!» Этой иронией я вовсе не собираюсь отрицать своих симпатий и теплого отношения к Румынии и знакомым мне ее гражданам.

Когда у меня бывают гости, и мне, отвлекаясь для кухонных хлопот, нужно чем-то занять их, я, как соску, даю им три одинаковых конверта. Они сразу ничего не могут понять и иногда обижаются.

М.А. Гаврилов включал меня в свои группы на симпозиумы в Бельгии и Франции.

Совсем выпали из записок школы по теории информации. Руки чешутся написать многое и о них. Но это особая глава, и ее наверняка напишут другие.

Воспоминания не могут не быть отрывочными, а иногда и сумбурными. Тем более, что за такое огромное время они бесконечны, а для короткой бумаги - довольно случайны. Искусственно создавая логические границы, люди мешают себе вспомнить нечто важное, интересное, но не укладывающееся в прокрустово ложе рамок. Да и вообще, возможно ли выстроить жизнь в прямую линию? Какие потери при этом можно понести! Не следует думать, что потеряв по пути что-нибудь на первый взгляд несущественное, мы все равно придем к тому же итогу. Важно, к чему привела вся цепь событий.

Почему-то первое двадцатилетие более подошло для воспоминаний. Последующее время – как сегодняшний день. Конечно, вспоминают о прошлом, а не о настоящем. Однако при ближайшем рассмотрении и оно очень продуктивно. Кроме того, кто-то из более молодых будет вспоминать именно о последних двух десятках лет. Интересно, какими будут новые воспоминания?

Я знаю только одно. Все, с кем я в ИППИ знаком, мне заведомо симпатичны, и я их люблю. Когда я прихожу в Институт, я внутренне улыбаюсь, и в свои 77 лет чувствую себя счастливым человеком.

А это означает, что милые сердцу воспоминания находятся в гармонии с настоящим.

А это означает, что традиции института и его ценности, несмотря на неизбежные скорбные потери, сохраняются.

А это означает, что все те, на ком лежат главные заботы об Институте, заслуживают глубокого уважения и признательности.

Меня берет оторопь: сколько целых кусков институтской жизни и какой огромный список имен не поместились здесь. Ведь ИППИ – это поэма. Но я уверен, что никто не заподозрит меня в забывчивости или невнимании.

К тому же совершенно ясно, что все яркие и выдающиеся имена учёных нашего Института найдут свое место и в воспоминаниях других авторов данного сборника.

Однако в конце моих записок мне хотелось бы вспомнить Николая Михайловича Миронова. Он несколько лет был заместителем директора ИППИ по хозяйственной части. Дельный, доброжелательный человек, широкая натура, вполне отвечавшая его большому росту. У него был богатый опыт хозяйствования в других академических институтах. Во время войны он был комиссаром полка. Я хотел бы во всех комиссарах видеть таких же людей.

Ко мне он относился замечательно. С каким-то даже покровительством. Однажды я пришел в Институт совершенно промокший и промерзший. Он увидел меня и тоном, не допускавшим возражений, приказал нашей кладовщице, Зинаиде Ивановне, немедленно налить мне спирту. Николай Михайлович был безукоризненно честен, и потому некоторое своеволие по отношению к данному казенному препарату никем не воспринималось с осуждением.

А совсем недавно, я обнаружил в интернете на сайте «Подвиг народа в Великой Отечественной Войне» наградные листы почти всех сотрудников института, бывших фронтовиков. Содержания наградных листов не знали даже сами фронтовики. Это отдельная трогательная героическая страница.

Некоторая принятая здесь смешливая и оптимистическая манера изложения отнюдь не исключает возможности представить себе историю Института на фоне внешней и внутренней политики СССР. Это предоставляется читателю.